

На днях мне пришлось говорить с молодой женщиной тридцати пяти лет (кажется, совсем недавно она была девочкой, ученицей воскресной школы при Сергиевском храме). Наверное, поэтому я привожу этот эпизод в начало разговора, что сравнительно её знаю и на примере можно показать, как человек, в силу общего духовного климата нашего общества изменяется, становится как бы не русским, а «европейским» или ещё каким, перестающим почитать свою Родину, свою веру, свои традиции.

Молодая женщина выражает твёрдую уверенность, что она уедет из России, хотя ещё не знает куда. В Европу или лучше в Америку, но уедет. Европейские ценности нас покоряют. Результаты только бывают весьма плачевны. Есть совсем недавние примеры.

Уехал молодой человек в Америку. Прожил там больше двадцати лет. А потом, когда Обама за два президентских срока обвалил бывшую до него стабильность (глобалистские программы действуют во всём мире — это очевидно) уже не совсем молодым возвратился на Родину, но не смог «встать на ноги» и очень плохо кончил... По старой народной мудрости: «Без Бога, ни до порога!»

— А ты почему отец не ходишь к духовнику, на исповедь? Это ведь всё фиксируется и тебя могут пригласить на дисциплинарную комиссию в епархиальное управление.

Так было сказано одному из священников отцом благочинным.

— Разве это непременно надо исполнять? У меня вообще-то есть духовник. То есть, и раньше был, потому я у него продолжаю исповедоваться. Я уважаю установленного епархиальным управлением духовника, пару раз у него исповедовался, но мне удобнее у «старого». Неужели это так принципиально? И если принципиально, то лично моё мнение: здесь пахнет формализмом. Я понимаю, что духовник должен быть (и хорошо, что так заведено), но он нужен батюшкам, у которых нет ещё духовников или они далеко находятся. И я приду к нему на исповедь, когда не получится съездить к «старому».

Такой вот разговор произошёл и забылся.

Но прошло какое-то время, может быть с полгода, и в один из установленных дней общей исповеди оба они, не сговариваясь, встретились в алтаре у духовника — наш батюшка и благочинный. И батюшка стал

---

* Продолжение. Начало в номерах 51, 52, 53, 54, 55, 58.

исповедоваться вслух. И благочинный услышал из уст исповедовавшегося очень много неблагочинного.

* * *

Как известно, Святитель Дмитрий Ростовский посвятил 25 лет составлению житий святых и считал это деяние главным трудом своей жизни. Описание их житий так увлекло святителя Дмитрия, что он работал по ночам, иногда ложась спать, не раздеваясь, лишь за час до заутрени.

За время работы к нему не раз приходили во сне те святые, о ком он писал. Святитель об этом рассказывал своим близким, что «однажды явилась великомученица Варвара, которую он особо чтит», и что он во сне просил её «умолить Господа о его грехах, но святая сказала: «Не знаю, умолю ли, ты молишься по-римски». Проснувшись святитель понял, что «молится редко и мало, как католик, и усилил молитву».

О «латинянской молитве» русский православный человек ещё когда говорил, что она кратка и не устраивает нас. Вон ещё когда такая опасность духовная имела место, в конце XVII века. Что же говорить о сегодняшних временах.

Недавно мне одна прихожанка (к нам она не часто ходит) жаловалась, возмущалась, исповедовалась по поводу «скоростной» службы в одном храме города Бор. «Два часа всего. И Утреня, и Литургия, и молебен. Да ещё и послание патриарха на четырёх листах зачитывали по поводу константинопольско-украинских еретических безобразий. И слов не разобрать, и сплошной шум и суетливость — хоть убегай из храма. И пение... Вроде бы мелодичное, но певиче словно нарочно слова «съедают», содержание не усваивается. Сплошное осуждение и никакой молитвы».

Да-да, омирщение наше зашкаливает. Это наш общий грех, похожий на «латинянский».

* * *

21 ноября. Архангела Михаила и прочих Небесных Сил безплотных.

Невидимый нами ангельский мир, но человеку всегда сопутствующий, если мы верим и обращаемся молитвенно в их мир гармонии и славы Божией.

Мы, конечно же, хотим жить благополучно, чтобы всё было у нас и близких наших хорошо и ладно. И это по-человечески законное желание, «Бог (же) есть любовь!». Но почему-то святые отцы — учителя Церкви — составители Литургии Божественной всякий раз, когда выносятся чаша со Святыми Дарами — Телом и Кровью Христовыми — напоминают нам, произнося слова: «Со страхом Божиим и верою приступите». Со страхом!.. А у нас он есть — страх Божий? Может, есть немного, а может, и нет вовсе. Мы привыкли: раз сказали «со страхом Божиим», значит, сейчас будут причащаться. А чтобы проникнуться...

На днях один проповедник выкрикивал громко и азартно с экрана телевизора своё видение Христа, как Судии. Говорил, что когда Он придёт судить род человеческий (т.е. всякого человека и каждого из нас), то «никаких любезностей» не будет. Он будет страшен...

Я это слушал, и мне было не страшно. Наверное, это плохо — не проникался священными словами, евангельскими образами.

Во вчерашнем чтении Евангелия за Всенощной Христос изъясняет сказанную притчу ученикам своим: «Сеющий доброе слово есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов;

тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!»

«Делающих беззаконие ввергнут в печь огненную...» Есть какая-нибудь гарантия, что это будет не со мной, не с тобой? Гарантии такой нет. (Есть такое определение: «в чем застану, в том и сужу».) Но ведь «Бог есть любовь!» И выходит, что до того, как придёт Он судить, у нас есть покаяние и молитва. И если будет покаяние и молитва, то будет и спасение.

Будем помнить и надеяться.

Вот сегодня, как видим, принесли к нам в храм усопшего. Накануне по телефону сказали, что умер внезапно. Но крест носил всегда, начал читать Библию и собирался пойти в храм... Не успел. Хорошо, что хотя бы принесли родственники нецерковные. Вспоминаются слова: «Господь и намерения целует».

Был честный работник, плохого-грубого слова от него никогда не слышали (по словам соседей). Господь призвал... и слова наши, должно быть, душа его слышит. Но относиться они будут уже не к нему, мёртвому телом, а к его близким — плачущим и сострадающим. И что же им надо сказать...

Покойный Борис ещё не старь, но плевелы безбожия, насаждённые диаволом в стране нашей, он застал (плевелы — это по-русски сорняки). И сорняки тоже сеют семена. Семена не добрые. Выразились они в том, что несколько поколений Бога не знали, и о смерти их думать не учили. Хорошо, когда человек, как бы его атеисты не учили, задавал себе вопрос — зачем он живёт? Как это было у покойного, коль он носил крест и начал читать Библию. А если нет, то у человека неверующего (и внезапно умершего) — перспектива: тьма крошечная, даже если, как говорят исследователи в клиниках: душа (вышедшая из тела) предстаёт перед светящимся существом. Тьма, хотя бы потому, что душа (сознательная её часть, есть ещё, наверное, часть страстная) увидит-уразумет, чего лишили её на Земле. Почему не научили и не сказали. Душа ведь не умирает (умирает тело), она вечна... И где будет находиться?.. Тайны Божии!

Но Церковь напоминает о них, учит и исповедует, т.е. избавляет от грехов (раскаянных) и причащает. Такой человек уходит «туда» очищенным, приготовленным. В противном же случае может оказаться другое, весьма нерадостное.

Вчера прочёл в календаре заметку о кончине нераскаянного человека.

«У преподобного Онисифора Печерского (Ближние пещеры, иеромонах Киево-Печерского монастыря, 1148 год) был духовный сын, инок, утаивавший от него свои согрешения и лицемерно подражавший его житию: представлялся постником, целомудренным. Но об этом не знал никто из братии. Он умер без видимой причины, и от его тела пошёл такой смрад, что никто не мог к нему приблизиться. Инок с трудом отпели и положили в пещере, и от неё пошёл такой смрад, что убежали даже бессловесные твари. Много раз слышался и горький вопль, как будто кто-то мучил умершего брата. Ночью Онисифору явился преподобный Антоний (основатель этих пещер) и стал упрекать его за то, что в святом месте погребли нераскаянного грешника. Онисифор стал молиться, говоря: «Господи, для чего Ты скрыл от меня дела человека сего?» Ему явился Ангел и сказал: «В назидание всем согревающим и не покающимся было это, чтобы все видевшие покалялись!» Пресвитер пожалел усопшего брата, усилил о нём молитву и услышал голос от Господа: «Ради тебя и сущих с тобой помилую и спасу грешника». И тело брата перестало издавать смрад».

Следует сказать, что и в Киево-Печерской Лавре, и в Псково-Печерской монахов не хоронят в могилы, а помещают в пещеру (сделав нишу) и смрада там не бывает, а наоборот благоухание. И подобное «ЧП», безусловно, беспокоит монашескую братию и наместника монастыря.

Можно ещё добавить, что у них-то, у монахов, есть кому молиться и вымаливать не успевшего покаяться грешника, а у нас бывает что и некому. А потому прибегаем к Церкви Христовой, которая за каждой Литургией поминает как живых тех умерших братьев и сестёр, о которых подают записки. Кроме того установлены так называемые Родительские субботы, на которых совершаются сугубые, т.е. особые молитвы об усопших.

* * *

Помоги нам, Господи, находить ответы, на неразрешимые вопросы, предложенные нам нынешними обстоятельствами в Православном мире...

Притча о гадаринском бесноватом (Лк. 8, 26-39)

Очень всё непросто...

Один известный проповедник (в 1987 году) говорил: «Сегодняшний рассказ об исцелении человека, одержимого легионом бесов, раскрывает перед нами одну из самых волнующих и дивных картин, того, как Бог дорожит и высоко ценит каждого человека».

Правильные слова, и подкрепленные, наказом Самого Господа: «Ты исцелился... Иди домой и скажи другим, что произошло с тобой...». «И это обращено не только к человеку, исцелившемуся (тогда) это обращено к каждому из нас... То, что нам дано (оставлено Христом), мы должны провозглашать и делиться. Делиться щедро, потому что люди (множество людей) изголодались по полноте жизни, которую один только Бог может дать...» И мы идём и провозглашаем? Как бы не так! Тот, гадаринский бесноватый и исцелённый, по слову Христа, пошел и провозглашал, и исповедовал Бога-Христа. Но таких единицы — как было тогда, так и ныне. (И они, конечно же, делали дело Божие.) А большинство?.. Что мы слышали? «И просил Его весь народ Гадаринской окрестности удалиться от них, потому что они объаты были великим страхом...» Страхом от чего? Что пропали свиньи, и вдруг еще что-то пропадет?

Так было хорошо жить... И сало было, и комфорт. И вдруг прошел их стороной Христос, вошел в их окрестность, что бы напомнить об истинных ценностях, об исключительности всякой человеческой личности, и их благополучие пошатнулось... И сказали: «Уйди, Господи, Ты нам мешаешь...». Как и Федор Михайлович Достоевский влагает эти слова в уста служителей Церкви в знаменитом: «Инквизиторе»...

Как это все похоже на состояние сегодняшней Украины (их президентов и некоторых иерархов). Да что Украина! Подобное было с Россией в 1917 году. Сказали Христу — «уйди». И «70 лет Вавилонского пленения» себе обеспечили... И от каких неведомых, провозглашавших и не отрекшихся Христа, произнесен был возглас: «Приди, Господи, и спаси»? Но совершилось возрождение! Воля должна проявиться. Отдельного человека, и общности народной в целом... А иначе «гадаринская страна» так и останется той страной, которая изгоняет Христа.

У гадарийского бесноватого ни воли, ни ума не было. (Легионом бесов все было поражено.) Господь пожалел создание Свое. Пожалел и исцелил. И сказал что делать: «Идти домой, и говорить об исцелении и, значит, о Христе...» А где были «воля и ум», когда встречались известные патриархи в Стамбуле? Где был Христос? (Господи прости.) Там не было Христа, среди них? Кто-то нам рассказывал, что у них была «братская беседа». (При братских беседах, говорят: Христос посреди нас.) И после «братской беседы» вдруг такое завершение, в результате которого президент Порошенко заявляет русским православным убираться с их территории?

Христос, конечно же, там есть! Он рядом со страдающими и молящимися и, возможно, Он готовится быть на их Голгофе, вполне возможной там быть? А Стамбул — «гадарийская страна»? В какой уже раз? «Визан-

тия» там совсем кончилась? Нисколько ни осталось православия?

У нас с вами продолжает быть «комфортное» Христианство, и мы должны благодарить Бога и молиться, как умеем. Молиться и благодарить. Благодарить! Аминь.

P.S. Почему так в мире происходит? Потому что в мире непредсказуемо возникают «гадаринские территории», откуда изгоняют Христа, а сатана так старательно плетет сети погибели каждому из нас (выходит, что и «народу в целом»), чтобы вырвать из рук Божиих, и сделать своими слугами.

Подумать только: все поражено (дьяволом) — ум и воля человека. Где «легион» нечистой силы, туда вторгается Бог-Христос-Спаситель и исцеляет.

Смотрите люди победу над дьяволом Христа, и пересмотрите свои представления о жизни земной — говорит нам сегодняшняя евангельская притча.

* * *

Вот такая ты мне нравишься. Мне показалось, что ты стала меньше разговаривать (горячиться, возбуждаться), и больше молчать. Постарайся и в дальнейшем не быть дурой. Так будет полезней тебе и всем твоим домашним. Читай, вспоминай отцов-отшельников, умевших молчать и призывающих других к этой добродетели, делящихся с другими-многими (через записи учеников-послушников) красотой добродетели — молчанием. (Пожелание смиряющейся дорогой родственнице и себе, тоже.)

И ещё: всякое литературное изложение, всякое литературное выражение есть попытка сказать правду, есть намерение исповеди вслух. Чтобы не остаться с тайными грехами, взятыми с собой туда. Особенно, когда человек в старости.

КРАТКОЕ СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТЫХ КОСЬМЫ И ДАМИАНА

«Никто не должен желать спасения лишь себе, без спасения других людей. Это ошибка — молиться о себе, чтобы спастись самому. Мы должны любить других и молиться, чтобы не погиб никто, чтобы все вошли в Церковь. Когда мы отделяем себя, мы не христиане».

(Прп. Порфирий Кавсаколит)

Но выходит, что даже у святых подобные «себялюбивые» проступки проявляются, и Господь их любезно зачеркивает, и нам сегодня живущим показывает.

Святые бессеребренники-врачи Косьма и Дамиан, излечивая больных, никогда не брали платы за лечение. Но однажды святые братья исцелили женщину, и она в знак благодарности принесла Дамиану три яйца и убедила его взять дар во имя Пресвятой Троицы. Косьма же, узнав о случившемся, решил, что его брат нарушил их строгий обет. Его досада была столь велика, что он, умирая, завещал, чтобы брата не хоронили рядом с ним. Когда же преставился и Дамиан, то почитатели их были в недоумении — где похоронить праведника? Но внезапно произошло чудо. «Из пустыни пришел верблюд, которого когда-то святые братья вылечили от бешенства, и проговорил человеческим голосом, чтобы, не сомневаясь, положили Дамиана рядом с Косьмой, потому что не ради мзды принял Дамиан дар женщины, а ради имени Божьего».

Память святых врачей 14 ноября (по-старому 1 ноября). Они почитаемы и на Руси, хотя жили далеко от нашей страны. И очень давно — в третьем веке. Сегодня добродетель бессеребринничества, кажется, совершенно не выполняема, хотя какие-то отголоски у нас могут прояв-

ляться. А вот обособлять себя, «решать, судить за Бога», является ошибкой — даже святого человека — которую Господь поправляет, в назидание христианам. Надо же, верблюд — человеческим голосом. Такое может происходить только по поводу святых людей. Однако и там, и здесь Божия поправка.

* * *

Дневниковая запись 9 ноября

Утром подумалось, что через месяц матушке Ларисе будет 80 лет (было бы 80 — она родилась 9 декабря 1938 года), и что я съезжу на кладбище. Но до того надо еще дожить (сказал сам себе). А почему бы не сегодня?

И мы с Сашей, созвонившись, поехали, предварительно приобретя букет цветов (который может долго стоять без воды в специально устроенной декоративной коробочке), и, перекрестившись у Креста могильного, поставили на застывающую землю, рядом с портретом на табличке улыбающейся матушки... Ей там хорошо!

*Ветер срывает остатки листьев,
Снегом укроет осеннюю грязь,
Ляжет на душу печаль.
Ей там хорошо?..*

А поздно вечером посмотрел листок календаря следующего дня: 10 ноября. Великомученица Параскева почитаемая на Руси. Почему почитаемая? Потому что она названа была в честь дня Крестных страданий Господа нашего Иисуса Христа. А русский народ знает (в большинстве своем), что такое страдание, и тоже, как и родители Параскевы, особо почитает страдания Христовы.

В календаре приводятся слова мученицы Параскевы: «Родители мои шестой день всегда чтили постом, молитвами и милостынями. (Шестой день — это пятница, суббота — седьмой, а воскресенье — первый.) Бог даровал им плод честного их супружества — меня, недостойную свою рабу, — в тот именно день, который они добродетельно почитали, вспоминая страсти Владыки Христа. Им заблагорассудилось дать мне то имя, которым называется этот день (пятница по-русски, по-гречески параскева), вот я и именуюсь Параскевой, я — общница Страстям Христовым». И жизнь свою, и веру она запечатлела страданиями за имя Господа Иисуса Христа. И это не значит, что Параскева была всегда печальна, а значит, что она всегда, всю жизнь свою, была со Христом. Печаль — сострадание Христу Распятому, радость о Христе Воскресшем. Вот истинная ценность предлагаемая человеку-христианину.

Совсем другие ценности, которые мир старательно закрывает, затушевывает. От которых всячески отвлекает и уводит. Но нам надо стараться их (ценности) помнить, почитать, в них стоять, и от них не уходить.

* * *

Одна супружеская пара взялись за доброе, полезное, но кропотливое дело: выпекают хлеба ржаные и пшеничные по всем правилам, честно, и привозят не многочисленным клиентам. (Этот хлеб естественно значительно дороже, потому что все используемое настоящее, без химии и добавок, а значит — дополнительные затраты.) И однажды одна из клиенток обнаружив, что хлебный мастер-пекарь не носит нательного креста, отказалась пользоваться их услугами. (А у него были временные причины. Может быть, не совсем оправдывающие его, но временные.) Отказалась и отказалась, ее право.

А мне вспомнился другой человек-христианин: предприниматель, в церковь ходил и все, все, все. И жертвовал на храм постоянно приличное, относительно, суммы. Но доход от предпринимательской деятельности состоял в том, что он с небольшой группой людей изготавливал удобрения — химическую заразу для земли, и этим удобрением пользуются, заказывают, платят немалые деньги потому видимо, что вначале бывает значительный эффект, но землю при этом напрочь отравляют. (Возят в канистрах, география поездок впечатляет. Я знаю одного водителя, который ездил в далекие поездки — типа Тюменской области. И он все время сокрушался-исповедовался, что участвует в таком деле. И все-таки ушел от хорошей зарплаты, но и от нечистоплотного, вредоносного дела.) А его начальник, как мы выше упомянули, жертвует на храм от «трудов своих», и только исповедуется ли, не знаю. А если исповедуется то, что тут скажешь? Только разведешь руками.

Христиане, как видим, бывают разные. И уж тем более разное наше внутреннее сердечное состояние. Наше состояние перед совестью, перед Богом! Наше осознание дел своих.

НАШЕ ВРЕМЯ

Добродетели и грехи

«И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его. И голоса играющих на гуслях, и поющих, и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества... И свет светильника уже не появится в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе...» (Откр. 18, 21-23).

Очень хочется, чтобы художества не прекращались, но и то сказать: а какие художества не прекращались?.. Сегодня их такое множество. Есть разрушительные. Чтобы художество созидательное не прекращалось!

Наше смутное и противоречивое время, радостное в силу молодости и свойственное ей необъяснимое и необъясняемое никем внутреннее состояние человека, безудержно смеющегося и скачущего из угла в угол, вчера ползущего, а сегодня вдруг почувствовавшего силу в ножках. Или юношу, беспричинно улыбающегося (а может, по причине: февраль прошёл и наступила весна) и идущего с другом на трамвайную остановку, чтобы поехать учиться любимому делу в художественное училище. Друг его на целых пять лет старше, но учатся они на одном курсе, только в разных группах, а дружат они потому что друг приехал издалека, почитай, из Мордовии (из Большого Болдина, рядом с поместьем Александра Сергеевича Пушкина) и жить ему негде, и поселился он в доме тётки Зои. Наши дома рядом. Вечерами и в неучебные дни он играл на гитаре и все его любили. Он был тихим, медлительным, и всё умел делать. Звали его Николай Семёнович Жданкин. О нём можно ещё повспоминать, но это если получится, а пока остановимся только на том, что я не помню, чтобы его звали иначе, как Николай Семёнович. И вот они идут, бегут на трамвай, весело что-то обсуждая, а на остановке стоит, ожидая такой же «тройки» (это номер нашего трамвайного маршрута, по которому от завода «Двигатель революции», «Станкозавод» и наша остановка «улица Гончарова» до Канавина — Московского вокзала) Иван Михайлович Жариков — он ещё старше и, может быть, захватил, то есть участвовал в войне (этого я не помню, только был он немного глуховат от контузии) — и он тоже с нашего курса и в одной группе со Жданкиным. Он был партийным, а жена его, тоже партийная, трудилась в райкоме нашего Ленинского района.

Иван Михайлович был достаточно высок и широкой кости (на нашем курсе было несколько студентов намного старше и уже женатых — я был самый маленький и самый молодой, в это описываемое время мне шёл семнадцатый год), и он, Иван Михайлович, стоявший к нам спиной, а лицом к рельсам, вдруг поворачивается к нам и с печальным, если не сказать суровым выражением, выговаривает: «Вы чего развеселились. Радио не слушаете? (А мы его и не слушали.) Сталин умер».

Это было пятое марта 1953 года. И на остановке, и в трамвае было необычно тихо. Партийные люди, да и весь народ, Сталина почитали и, говорят, даже плакали.

Почему я это вдруг пишу? На днях позвонил мне один наш общий знакомый и сообщил, что Ким Шихов в больнице и в плохом состоянии. Не могу сказать, что я хорошо знаю Кима Ивановича, но помню ту когорту объединённых творчеством людей, на которых мы, учившиеся на первом курсе художественного училища (ГХУ — тогда город именовался Горьким) смотрели как на кумиров. У нас с ними разница была в пять лет. Они заканчивали училище, а мы только начинали первый курс.

Они — это упомянутый Ким Шихов, Дмитрий Арсенин, Дмитрий Макаров, Маргарита Касьянова, Виктор Сафронов, Женя Рудов, Лёня Кузнецов, Владимир Савлов, Анатолий Павлов, Владимир Смолин. Кого-то из них я знал больше, кого-то меньше, но общий их эмоциональный настрой был ярким и завораживающим, и они были, как казалось, дружными. Были очень советскими, хотя, может быть, в творчестве своём некоторые прикрывались темами общими. К примеру, Дима Арсенин темой Пушкина, а Дима Макаров — деревенской. Ещё был Каштанов (кажется, Николай). Он и в училище ходил в шинели, может быть, был парторгом. Такая важная высокая фигура, должно быть, на Феликса Дзержинского похож. Но как потом оказалось, был добрым малым. И вот сегодня их осталось очень мало, а если точнее, то из перечисленных только двое — Виктор Алексеевич Сафронов и Ким Иванович Шихов (наше-то поколение и то уже сильно поредело). Они стали другими, как и мы все. И это не потому, что всё советское было совсем плохое, а потому, что официальное безбожие сменилось чем-то другим и начиналось что-то необъяснимое и из ряда вон выходящее, когда дети приводили родителей к Богу, когда партийные начали захаживать в храм и в нём оставаться.

Вспоминается такое. Я уже был священником, служил в Кинешемском соборе, но на Бор приезжал сравнительно часто. Тогда в один из приездов нас с магушкой познакомили с супругами Буровыми. Они, Юрий и Татьяна, оба закончили ВГИК и у них там был преподаватель, приведший их к вере, к Богу. Приехав на Бор (Юрий борский, а Татьяна из Пензы), они были сознательно верующими — православными. У Татьяны родители жили в Пензе. (Отец её знатный художник — прекрасный живописец и преподаватель в художественном училище Пензы.) Родители были неверующие. Под старость отец серьёзно заболел. Татьяна молилась и естественно, чаще стала посещать родителей, как-то готовить отца, чтобы позвать священника.

Отец категорически возражал: «Как это будет выглядеть?» Тогда Татьяна рассказала ему, что на Бору у них есть знакомый священник (предварительно со мной согласовав), и отец согласился на встречу, как мы, батюшки, говорим — на дому. Мы с Татьяной ездили в Пензу, собирали его и причащали. Вскоре он умер. Вера — уверенность дочери, молитвы её личные и церковные сделали своё дело. Человек возвратился в церковь, преодолев, почитай, всё жизненное безбожное пространство. И таких случаев немало.

Ведёт бабушка (или мама) подростка в воскресную школу и сама начинает входить в русло веры, в церковную среду. Или бывший ученик, став священником, крестит своего учителя. Так было и у меня с Виденским Михаилом Соломоновичем.

В наше училищное время Михаил Соломонович вёл группу (специальности — рисунок, живопись, композиция), но нашу, а другую, но всему курсу преподавал историю искусства. Хорошо знал этот предмет. Когда я стал священником и служил в Кинешме, мне однажды сообщили о его тяжёлой внезапной болезни. Попросили, что когда буду в Нижнем Новгороде, он хочет, чтобы его навестил и совершил над ним таинство Крещения. Я был несколько смущён мыслью (ещё только начинающий священник), что если он иудей, то сложная процедура оглашения.

При первой же возможности мы встретились. На вопрос, исповедует ли иудейство, он просто ответил, что всегда признавал Христа, но в силу многих причин не крестился. А сейчас просто необходимо таинство Крещения, потому что «я был по ту сторону занавески, и милостью Божией и вот её стараниями (указав на жену — она также опытная медсестра) мы выкарабкались, а сколько мне осталось — неизвестно». А как спросил я ещё: «Кроме болезни вы пришли или приходили к Христу?..» «Так я же преподавал вам историю искусств! И мне кажется, — продолжил он, — что внимательно вникая в этот предмет, невозможно не увидеть реально Христа и Божию Матерь...» Рядом над столом висела иконка Козельщанской Божией Матери.

Крещение было тут же, на квартире, так называемое клиническое. Михаил Соломонович не смог бы даже подойти к купели. Поэтому в таких случаях к больному подносится блюдо с водой. Предварительно над ней совершаются все положенные молитвословия, как над купелью. Возливая рукою священника на главу крещаемого с крещальной формулой, далее по чину продолжается Таинство.

Михаил Соломонович прожил ещё десять лет и писал домашние натюрморты — очень приятные, светлые по состоянию, акварели.

Мир тесен, и в нём, бывает, неожиданно обнаруживаются невидимые связующие нити, открываются факты, никак не вписывающиеся в советскую атеистическую идеологию. Когда мы приехали из Кинешмы на Бор, я стал служить в Сергиевском храме. Там были одни из первых помощниц мать и дочь Пригоршневы. Дочь Светлана тоже закончила Нижегородское художественное училище. Потом художественный факультет Костромского педагогического института. Училась в Нижнем Новгороде, была ученицей того самого Ивана Михайловича Жарикова. Он преподавал технику живописи — любя и очень хорошо зная этот предмет. Я знал это, когда мы были ещё учащимися ГХУ. Светлана была его любимой ученицей. Потому верой и заботой отплатила старому учителю. Он тяжело болел, и она постоянно к нему ездила. Кроме всего тихо, аккуратно приводила его к вере, к переосмыслению. Привозила соответствующую литературу. Мы с Жариковым передавали приветы друг другу, собирались встретиться, но не получилось. Сейчас я не помню, не могу утверждать, насколько его кончина была христианской, но в обещанном «скором светлом будущем» Иван Михайлович разуверился. Духовой оркестр над ним не играл, как полагалось тогда коммунистам. Его отпели. Всё это было тайнообразующе. Светлана и их сын организовали. Похоронили по православному.

Дмитрий Арсенин сблизился со мной уже как со священником. Я приезжал к нему в мастерскую со Святыми Дарами. Он исповедовался и причащался. Он не выглядел больным — слушал музыку. У него была новейшая аппаратура, и кроме пластинок с классикой были магнитофонные кассеты, которые тогда только появились. Мы ими обменивались. Но в силу занятости (или в силу моей всегдашней греховной торопливости) я убегал не полагая и не строя прогнозов. Впечатления от его облика и мастерской оставались светлыми, не тяжкими. Думается, что способствовали старания жены — Лидии Воскресенской. Но всё это оказалось незадолго до его смерти.

Примерно такие же обстоятельства у нас сложились с Дмитрием Марковым, если не считать, что я приезжал к нему не многожды. Ис-

поведь, причастие и — не помню, было ли соборование. У этого Димы болезнь, кажется, была тяжче, общая картина была грустнее, но уныния у него не было. Он боролся. Я крестил его дочь Елену (Макарову). И если тогда это было, как я уже упоминал, тайнообразующе (крестили на дому), то сейчас мы говорим это во всеуслышание, усматриваем в подобных эпизодах некоторые промыслительные штрихи нашей запутанной, замутнённой жизни.

Можно бы ещё повспоминать, но память слабеет. Вот сормовская чета: Саша Пономарёва, (бывшая преподаватель ИЗО предметов в Строительном институте — год назад преставилась), и муж её Владимир (технар, хороший работник). Его родители из того самого Сормова (Сормово — от слова сором — срам — произошло) такие заядлые революционеры большевики. Они гордились этим. Я их застал живыми. Как-то случилось, и мы познакомились за праздничным столом. Владимира и Сашу (Александру) доченька их Катя, молитвами своими, привела обоих (сначала отца — года на два-три раньше он умер) а потом и маму к Господу.

Я их обоих: исповедовал, соборовал, причащал, отпевал. Владимир неуёмный труженик и по рассказам жены «гаражный» ворчун. Саша была читающей и угрюмо размышляющей. Но конец оказался с точки зрения соромлян непредсказуемым. А по-нашему, в надежде на милосердие Божие, благополучным.

Читающим кажется легче. Можно ведь читать Фрейда, Ницше и не только ради любопытства, и в них застрять. Если же читать и выискивать истину, то всё будет хорошо. (По христианской формуле Истина есть Христос.)

Попалась мне картинка — древний образ Христа на планшете: и под Ним «Молитва Исаака Сирина». Слушал её неоднократно. Потом мне наши текст, распечатали, и теперь к нему нет-нет да обращусь, перечитаю. И думается мне: если бы нашему поколению в самом начале пути такие тексты были бы предлагаемы, скольких грехов и бед мы бы избежали. Исаак Сирий — отец седьмого века, такая глубина мысли, такое познание Творца и всего гармоничного, удивительного, непостижимого умом, сотворимого.

«О Всесильный Бог, живущий в неизъяснимом молчании!.. Ты открыл мирам, которые сотворил по благодати Твоей, неизреченную тайну и силу, которую не могут ощутить или познать чувства тварей твоих, пришедших в бытие. Перед ней естества Ангельские в молчании погружены в изумление перед облаком этой вечной тайны и потоком славы, простилающим от изумления, ибо в области молчания поклоняется ей всё мыслящее, освящаясь и делаясь достойным Тебя...»

«О Тайна, возвышенная... Собери ум мой в молчание молитвы и да умолкнут во мне блуждающие помыслы... Обнови жизнь мою через изменение мысли и благотворные помыслы... Будь путеводителем разума моего в моём размышлении о Тебе...»

Возбуди во мне такие прошения, которые приносят пользу благодаря согласию моей воли с Твоей волей, ибо Ты — Тот, Кто даёт молитву молящимся».

«О Боже, благодаря терпению Твоему к грехам моим Ты даёшь мне жизнь в мире сем; не лиши меня жизни мира грядущего, которой с надеждой ожидают те, что среди скорбей ищут Тебя здесь».

Кто среди скорбей и болезней ищет Тебя здесь?. Или кто искал?..

В моей комнате-келье висят несколько дорогих для меня работ. Одна из них — мой рисунок-портрет мамы, выполненный вскоре после ее смерти (теперь уже более тридцати лет), две небольших гравюры Николая Мидова «Нижегородские мотивы», этюд Татьяны Буровой «Макарьевский монастырь», этюд Владислава Смолина «Керженские перелески» — тонкий лирический пейзаж: серый день, но милый, видимо, был автору и притягивающий зрителя и сегодня. Когда он написан, я не ведаю, но у меня он уже около сорока лет.

Собственно, знакомство мое со Смолиным только вот через этот этюд. В лицо Смолина я знал, но на расстоянии, а пейзаж мне подарили его соседи по квартире, вскоре после того как Владислав «наложил на себя руки». Соседи по квартире — наши старые семейные друзья. Их дом на улице Минина, они из духовных — дед Михаил и отец Иоанн были священниками, кто-то из них служил в красивейшем Георгиевском храме на откосе Верхневолжской набережной. Теперь на его месте построена гостиница, рядом художественный музей в доме Сироткина.

Речь идет о семье Парийских. Все сведения о ней я получил от Нины Ивановны Парийской, известной в Нижнем Новгороде врачом по крови, имевшей высокую государственную, сталинских времен, награду. Каким образом Нина Ивановна познакомилась с моим отцом, я не знаю, но она периодически у него исповедовалась, причащалась и считала себя его духовной дочерью.

Когда я стал священником, то мне приходилось несколько раз приезжать в их квартиру, увешанную множеством фотографий, картин. И однажды они с подругой Марией Николаевной, тоже врачом (сестра Лариса Ивановна к тому времени уже умерла), они всегда были вместе, старые нижегородские интеллигенты — шепотом мне сообщили о чрезвычайном происшествии: «Владик удавился».

С его родителями у Парийских никаких контактов не было. То была сугубо коммунистическая семья (а эти «отщепенцы» — поповы дочки), какие у них могут быть общие разговоры. А Владик, видимо, чувствовал разницу духовных интересов и тянулся к непохожим на окружающих старушкам. Иначе чего бы ему этюды показывать и дарить.

Нина Ивановна, тонкий психолог, сочувствовала ему и была потрясена таким неожиданным трагическим исходом. Не исключаю, что и этюд мне она подарила потому, что он слишком больно напоминал ей о хорошем человеке. Сообщали «шепотом», что климат в соседней квартире, из которой выпал Владислав, был невыносимый. Но, может быть, мои предположения ошибочны, может быть, Нина Ивановна, как пожилой человек, старалась избавляться от множества накопившихся дорогих для нее предметов, определять их в «надёжные руки», молодому поколению. Так она подарила папе несколько икон. (Папа подарил их мне — я, в свою очередь, сыну и внукам.)

Там же у Парийских меня познакомили с семьей Либеровых. Зинаида Александровна, жена художника Юрия Либерова, была пациенткой у Нины Ивановны, лечившей ее от заболевания крови и подружившейся на всю оставшуюся жизнь. Я был представлен уже в качестве священника, причащал ее неоднократно, вначале на «автозаводе», а потом и на квартире, на площади Горького, рядом с Главпочтамтом.

Либеров не разделял с женой религиозных взглядов (хотя и женился на дочке священника), но был внимателен к ее духовным запросам, всегда аккуратно, вежливо встречал и провожал меня. Некоторое смущение его просматривалось (известный художник, а тут с батюшкой надо общаться), но деликатность и терпеливость побеждали. Как только он выполнял свой долг хозяина, тут же бежал в мастерскую или на этюды.

Кто-то недавно дал мне такую его характеристику: ценил время и не мог жить без живописи. Таков же был Олег Бордей, и они, кажется, были друзьями. Я бывал у Бордея в мастерской, когда еще работал в художественном фонде. Живопись Бордея мне нравилась, а Либерова «так себе», но дальше живописи разговоров о духовных поисках дело не доходило, в отличие от Зинаиды Александровны и Нины Ивановны.

С ними всегда были долгие беседы, теплые и содержательные, в том числе и о живописи. Но главным образом о «потаенном», о наблевшем (но без каких-либо неприязней и ненависти): «Папа, Иван Михайлович, как священник был в лагерях, но выжил. Возвратился к нашей радости из заключения и умер уже дома». (Не помню точно, но кажется послужить ему не пришлось. Недолго пожил. Портрет его мне тоже был по-

дарен. Нина Ивановна очень на него похожа.) Или делиться, как она постоянно, всякий вечер, уже за полночь, слушала Василия Брюссельского, ведущего передачи о вере и Боге из Европы. А как умирительно Нина Ивановна рассказывала про свою вылеченную «дочку» Зинаиду Либерову — какая она удивительная женщина, внимательная и заботливая, опекающая Юру, несмотря на свои болезненные недомогания. Как, добавляла она, повезло Юрию Дмитриевичу Либерову с женой. Такая примерная пара.

В те глухие атеистические времена по-разному приходили или стояли в вере. Нина Ивановна слушала по радиоприёмнику (она очень хвалила свой приемник, я, говорит, при любых помехах находила «волну») и буквально упивалась духоносными речами самоотверженного епископа Василия. Он, кстати, как позднее о нем отзывались, брал на себя «смелость» и духовное мужество молиться за самоубийц, оправдывая свое действие жалостью к тем людям (совершившим непоправимый грех), их незнанием элементарной духовной грамоты, потому что их не научили. Им про Бога не говорили, и они были во власти дьявола. Это очень опасно вступать в борьбу с ним, но архиепископ Василий, дерзая, уповал на силу Божию, на любовь Божию, служа плененным атеизмом русским людям.

А Николай Семенович, упомянутый мною в самом начале рассказа, мне думается, поначалу и не собирался быть верующим. Он, кроме того, что был отличным преподавателем черчения в ВУЗе (в Арзамасе), потом в Якутии в школе вел несколько предметов (в частности биологию), был еще и материалистом. Нет, он не был партийным, идейным. Он был «биолог» и духовные сферы (не душевные — тут он любил петь песни и слушать их) его просто не интересовали. Он всегда уважал нашу семью, но верующим, в смысле церковным, не был. Жизненные обстоятельства, однако, сильно изменились, и он исподволь приходил к Богу.

Возвратившись из Якутии в Арзамас, в Нижний Новгород, он встретился с моей сестрой Людмилой. Она к тому времени года два была вдовой. Николай, уезжая в Якутию, расстался по обоюдному согласию со своей женой, то есть был свободен. Они, после некоторых внутренних переживаний сестры, поженились, повенчались. Зная наши семейные традиции, естественно, склонял себя к ним.

А потом — девяностые годы, всех советских грамотеев (Николай Семенович мог стать и готовился быть кандидатом педагогических наук) заставили (вынудили) пойти в разнорабочие, в сторожа, что и ему пришлось исполнять. Только не на Автозаводе, где они с Людмилой жили, а на Бору, в Сергиевском храме. Он был устроен ночным сторожем и рабочим. Храм с 1994 года был отдан Церкви, а до того там работал Домом пионеров. Работы по восстановлению было — уйма. Плата минимальная, но интерес у него был сердечный к любой работе в храме с полной отдачей.

И всё было хорошо, Николай был ещё в силе, и вдруг неожиданно приключилась болезнь. Серьезная и неудачная операция. Он сильно страдал и бунтовал против (по биологическим параметрам у него не сходилось) обстоятельств, может быть, против Бога. Но соборовался, причащался. Немного не дожив до семидесяти пяти лет. Положили его рядом с нашей мамой, которую он уважал (маму нашу все любили и уважали) еще с тех пор, когда мы учились в художественном училище.

По-разному приходили к осознанию других мировоззренческих начал художники, знаемые мной. Некоторые, в поисках, оказались в «дебрях» таких, что погибали. Один (забыл фамилию, но знал его в лицо) ушел в уфологию. (В работах, показанных на выставке, проявлял себя в изображениях существ с перепончатыми лапами. Должно быть, это были «инопланетяне».) Погиб, как вышло, и духовно и физически. А другой совершенно неожиданно заявил о себе, как о христианине... Звонит, теперь почитай уже лет 8-10 назад, называет себя Симеоном и говорит, что учился со мной на одном курсе в Художественном училище.

— Не знаю, говорю, ни одного Семёна с нашего курса.

— А Сашу Абрамова знаешь?

— Сашу Абрамова знаю и хорошо помню.

— Так вот это я. В крещении Симеон.

И начинает рассказывать, как он, в бывшем активный комсомолец и потом, по возрасту, партийный, пришёл к вере в Бога. Пришёл через глубокое потрясение — внезапную гибель жены...

— А сейчас ты где? В Нижнем?

— Я живу в Белоруссии, давно член Союза художников, постоянно участвую в выставках, непременно хожу в храм на службы. Исповедуюсь и причащаюсь. А тебя нашел через Жору (Георгия) Плетнева. Он и Вячеслав Щелоков воспитывались в советское время в Доме одаренных детей. (На сегодняшний день и Георгий, и Вячеслав почили. Кстати сказать: сын Щелокова Александр, тоже художник-график, стал священником, а отец так до смерти своей, кажется, не разделял с ним взглядов.)

— Нашел и вот звоню, а подробности напишу в письме.

И присылал несколько пространных писем с подробнейшим описанием своих работ-замыслов, проектов и даже про свою диету. Очень энергичный, молодежавый, румяный Саша-Симеон Абрамов, хотя ему уже 83-ий год...

Ну а что у нас с Кимом Шиховым? Он вышел из больницы и потихоньку ходит в мастерскую. Художник, не посещающий мастерскую, чувствует себя неполноценно...

И так наше время кончается.